

М. М. Громыко

К жизнеописанию праведного старца Феодора Кузьмича Сибирского (Томского) I. Источники исследования¹

4. Ранние жития: М.Ф. Мельницкий. Епископ Петр. «Сказание»

Вторы указанных выше жизнеописаний собирали сведения о св. Феодоре Кузьмиче по свежим следам и на месте событий от лиц, знавших старца. В наибольшей степени это относится к труду Михаила Федоровича Мельницкого.

Тверской потомственный дворянин (Корчевского у.) М.Ф. Мельницкий поселился в Томске, по-видимому, в начале 80-х годов XIX в². Рассказы о Феодоре Кузьмиче привлекли его внимание, и Мельницкий проникся глубокой симпатией к этой светлой личности (определение самого Михаила Федоровича). В основе излагаемой им биографии старца лежат записки С.Ф. Хромова. О целенаправленном пополнении Мельницким этих сведений говорят некоторые замечания в самом тексте жизнеописания. Так, при описании наружности Феодора Кузьмича он замечает, что обрисовывает ее «из сообщений лиц, хорошо знавших Феодора Кузьмича, например, архимандритов Алексеевского монастыря о. Лазаря, о. Виктора, некоторых монахов, Хромова и других»³.

Относительно пяти лет жизни Феодора Кузьмича на казенном Краснореченском заводе в Бога-

тольской вол. (в двух верстах от с. Краснореченского и 15 верстах от д. Зерцалы — места официальной приписки старца как ссылочного поселенца) Мельницкий сетует, что ему «не удалось собрать более или менее точных сведений»⁴. По поводу обучения Феодором Кузьмичем крестьянских детей он подчеркивает, что полученные ими знания «сохранились до сих пор»⁵.

Все, что услышал М.Ф. Мельницкий, привело его, в частности, к такому заключению: «Сам он (Феодор Кузьмич — М.Г.) всячески избегал разговоров о своем происхождении и не обнаруживал никаких признаков самозванства. Ни цесаревичем Константином, ни Александром и никем иным не называл он себя и от предлагаемых вопросов старался всячески уклоняться». Интересно, что М.Ф. Мельницкий критически предвосхищает случившееся позднее отнесение иными авторами рассказов о старце к ряду популярных в народе легенд о самозванцах. И при этом делает любопытное наблюдение, основанное, по-видимому, отчасти на опыте своей семьи, об отношении сибиряков к таинственности прошлого людей разного звания, прибывавших в этот край. «Следует заметить, что в Сибири вообще мало интересуются первоначальною историей вновь прибывшего. Русское корен-

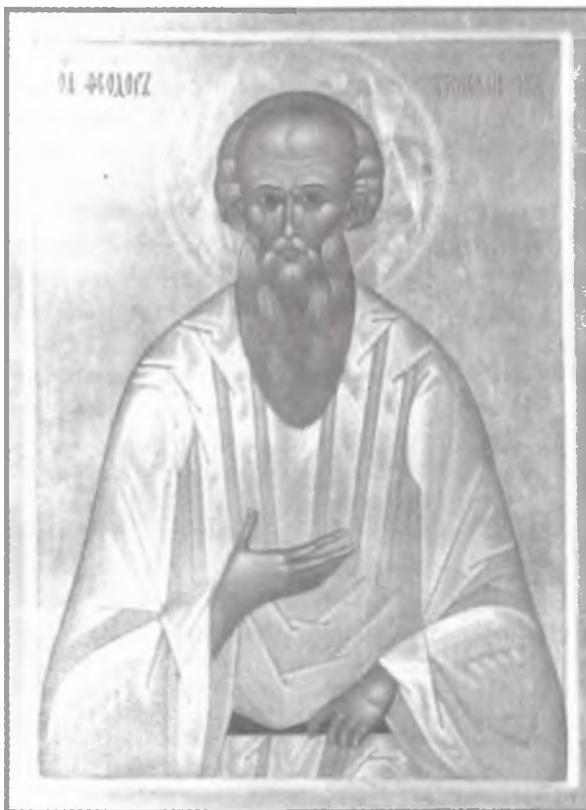
¹ Продолжение. Начало см.: Традиции и современность. №4, Москва-Екатеринбург, 2005.

² Есть основания полагать, что причиной переезда послужила ссылка в Сибирь его отца — Федора Мельницкого — по обвинению в растрате в 1881 г. В фонде известного издателя Алексея Сергеевича Суворина сохранилось письмо Варвары Федоровны Мельницкой (по-видимому, сестры автора жития Михаила Мельницкого) от 1895 г., ходатайствующей об устройстве на службу другого брата — Николая. В письме указана дата осуждения их отца — 1881 г. (РГАЛИ. Ф. 459. А.С. Суворин. Оп. 1. Д. 2620. Л. 1). Отец М.Ф. Мельницкого стал монахом томского Богородице-Алексеевского монастыря с именем Феофил (Русская старина. 1892. Январь. С. 106).

³ Мельницкий М.Ф. Старец Феодор Кузьмич в 1836 — 1864 г. // Русская старина. 1892. Январь. С. 83.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ Там же. С. 87.

Современная икона св. прав. старца Феодора Кузьмича.

ное население ведет свою историю, в большинстве случаев, от ссыльных прадедов, и в народе, как бы из деликатности, установился тенденциозный обычай не бередить иногда только что залеченные в этом отношении семейные раны. Огромное количество не помнящих родства бродяг разных званий постоянно поддерживает этот обычай, и сибирское население, привыкшее оценивать всякого приезжего человека, не касаясь его истории, весьма мало интересуется такими бродягами. Всякие намеки даже и на очень высокое происхождение и отменную когда-то деятельность принимаются в Сибири с чрезвычайною критикою и притом с необыкновенным равнодушием.

Нужно поэтому обладать редкими качествами и иметь за собою достаточно блестящее прошлое, чтобы возбудить в Сибири всеобщее внимание и уважение⁶.

Взгляд М.Ф. Мельницкого на старца и его окружение — в известной мере взгляд со стороны. Этот человек, в отличие от архиепископа Иркутского Афанасия, протоиерея Петра из Красноярска, С.Ф. Хромова, крестьян, показания которых записаны в «Сведениях», А.Н. Федоровой и многих других, не жил интенсивной религиозной жизнью, которая отличала ближайших друзей и чад Феодора Кузьмича. Мельницкий искал в старце «вполне здравое современное отношение к религиозным учениям», усвоенное им, судя по всему, для себя самого. Поэтому он обрушился с резкой критикой на духовную позицию томского купца — автора записок, фактическую сторону которых Мельницкий принял в свое жизнеописание. «Хромов, в доме которого умер Федор Кузьмич, — пишет он, — причислив его к лику святых, исказил его светлую личность своими записками до неузнаваемости и с помощью всевозможных странников распространил интересные только в изучении с психологической стороны натуры самого Хромова повествования о нем далеко за пределами Сибири»⁷.

Перед нами — выразительный образец непонимания живой православной веры, свойственный той части образованного общества, которая отходила от Церкви в поисках «современного отношения к религиозным учениям».

В то же время именно Мельницкий показал в биографии Феодора Кузьмича, как к старцу тянулись богомольцы из прилегающих уездов и отдаленных мест⁸. Эта тяга всегда была неизменной, даже тогда, когда Феодор Кузьмич скрывался в глухом месте. Такие факты под пером Мельницкого приобретают особую достоверность. Вместе с тем он стремится объяснить интерес к старцу и почитание его рационалистически: «Тонкое понимание человеческой натуры и в особенности духовной стороны ее в связи с необыкновенным даром слова позволяли ему исцелять душевные недуги, подмечать и указывать слабые стороны человека, угадывая иногда тайные намерения, что в связи с его образом жизни, умением обращаться с больными, облегчать их страдания и пр. возвысили его в глазах простого народа и возбудили о нем впоследствии, как о великом угоднике Божием, всевозможные толки далеко за пределами его местопребывания»⁹.

⁶ Там же. С. 85—86.

⁷ Там же. С. 86.

⁸ Подробнее об этом см.: Громыко М.М. Жизнеописания неканонизированных подвижников благочестия XIX в. как источник для изучения массового религиозного сознания // Этнограф. обозрение. 2000. Вып. 6. С. 48—49.

⁹ Мельницкий М.Ф. Указ. Соч. С. 87—88.

Примечательно, что М.Ф. Мельницкий, ставшийся представить Феодора Кузьмича как проповедника, а не старца и резко критиковавший Хромова за мистическое понимание даров святого, сам подвергся в 1895 г. аналогичной критике со стороны историка И.П. Кузнецова-Красноярского, утверждавшего, что «в статье г. Мельницкого введены рассказы про разных странниц, юродивых и т.п. лиц, еще более запутывающие биографию старца»¹⁰. Даже то немногое о духовной жизни, что включил М.Ф. Мельницкий в свое жизнеописание, казалось И.П. Кузнецову-Красноярскому лишним, а отнюдь не проливающим свет на смысл появления старца в Сибири. (Так возрастила глухота значительной части интеллигенции России к самой сути проблем духовной жизни.)

Внешнюю сторону жизни Феодора Кузьмича в Сибири — без малого 27 лет — М.Ф. Мельницкий изложил обстоятельно и с любовью, опираясь на многочисленные свидетельства очевидцев. В жизнеописании приводятся места жительства старца, обстоятельства перемены им этих мест, особенности образа жизни, перечень наиболее близких Феодору Кузьмичу людей, содержание ряда его высказываний (на светские, а не духовные темы). Некоторые суждения старца приводятся у Мельницкого дословно. В то же время в жизнеописании даются и обобщающие характеристики тем рассказов старца и его оценок. Например, биограф пишет: «Вообще знание петербургской придворной жизни и этикета, а также событий начала нынешнего и конца прошлого столетия он обнаруживал необычайное; знал всех государственных деятелей и высказывал иногда довольно верные характеристики их. С большим благоговением отзывался он о митрополите Филарете, архимандрите Фотии и др. Рассказывал об Аракчееве, его военных поселениях, о его деятельности, вспоминал о Суворове, Кутузове и пр. Про Кутузова говорил, что он был великий полководец и Александр завидовал ему. Все подобные воспоминания и суждения о людях имели характер, если можно так выражаться, какой-то объективный, в силу чего не-развитой народ приписывал ему какую-то повышенную способность смотреть на вещи с какой-то необыкновенной, непонятной для них точки зрения. Замечательно, что Феодор Кузьмич ни-

когда не упоминал об императоре Павле I и не касался характеристики Александра Павловича»¹¹.

Сообщаемые М.Ф. Мельницким факты подтверждаются другими источниками — записками С.Ф. Хромова, «Сведениями», отдельными публикациями очевидцев и более поздними (конец XIX — начало XX в.) сборами материалов о старце¹².

Биографический очерк о Феодоре Кузьмиче М.Ф. Мельницкого широко использовался в последующей литературе о старце, но далеко не всегда со ссылками на автора жизнеописания. Часто ссылаются на сочинение Г. Василича, целиком пересказавшего текст М.Ф. Мельницкого¹³ и как бы подменившего его собой в историографии. В связи с этим обстоятельством остановимся кратко на компиляции Г. Василича.

Эта книга в силу широкого интереса читателей к проблеме тождества императора Александра I и старца Феодора Кузьмича претерпела несколько изданий в предреволюционный период и воспроизведена репринтом в постсоветское время. Доступность сделала ее основным «пособием» о сибирском старце, в то время как жизнеописание М.Ф. Мельницкого было опубликовано лишь однажды в «Русской старине» и стало библиографической редкостью. Но дело не только в доступности обеих книг. У Г. Василича вслед за почти дословным пересказом М.Ф. Мельницкого помещен такой же пересказ жития Феодора Кузьмича, составленного епископом Петром (Екатериновским)¹⁴. Кроме того, в начале книги дается описание встречи императора Александра I с архимандритом Фотием, а в конце приводятся иллюстративные материалы, повторяющие приложения к статье М.Ф. Мельницкого в «Русской старине». Так образовалась довольно содержательная подборка материалов о старце. Странность книги Василича состоит в том, что ее автор в начале ставит задачу «развенчать» «легенду» о тождестве Феодора Кузьмича и императора Александра I; и в заключении работы делает вывод о том, что это два разных лица, хотя изложение убеждает читателя в противном.

О нарочитости провозглашения задачи и вывода, не подтвержденного текстом, на наш взгляд, свидетельствует то, что автор укрылся под псевдонимом. Кто такой Г. (господин?) Василич? Под этим псевдо-

¹⁰ Кузнецов-Красноярский И.П. Старец Федор Кузьмич // Исторический вестн. 1895. Май. С. 551.

¹¹ Мельницкий М.Ф. Указ. соч. С. 91—92.

¹² О последних двух группах источников речь пойдет ниже.

¹³ Василич Г. Император Александр I и старец Федор Кузьмич. 1-е изд. М., 1909; 4-е издание — 1911 г.; репринт. М., 1991 г. См. на с. 144 собственное признание Г. Василича по этому вопросу.

¹⁴ Епископ Петр. Сибирский старец Федор Кузьмич // Русская старина. 1891. Октябрь. С. 233—240.

нимом вышла еще одна книга на близкую к рассматриваемой нами тему — «Восшествие на престол императора Николая I»¹⁵. Для этого времени известен и раскрыт псевдоним Н. Василич. Это — Давыдов Николай Васильевич — юрист и писатель, мемуарист (1848-1920 гг.). В его воспоминаниях представлены не только семейно-личные, но и общественные темы¹⁶. Вполне возможно, что он обратился к историческим сюжетам, однако счел за благо не связывать две названные выше книги с остальной своей деятельностью в силу щекотливости затронутых проблем, касавшихся современных ему аристократических семей и царствующего дома. По-видимому, он преувеличивает степень запрета, наложенного на тему «император Александр I — старец Феодор Кузьмич». Г. Василич писал в своей книге, что К.П. Победоносцев «преследовал» слухи о старце и духовенство Западной Сибири было так запугано этим, что отказалось предоставлять сведения даже представителю великого князя Николая Михайловича, приехавшему собирать для него материал¹⁷. Между тем известно, что сведения о Феодоре Кузьмиче все-таки давали и материал был собран¹⁸. Тем не менее следует признать, что осторожность в публикации материалов о старце прослеживается вполне четко. Редакция «Русской старины» опубликовала жизнеописание Феодора Кузьмича, написанное М.Ф. Мельницким, «как интересное народное сказание, легенду», хотя оно менее всего напоминает этот жанр. Подобные оговорки делались и в других случаях. И хотя слух о том, что С.Ф. Хромов посажен в Петропавловскую крепость за активность в распространении сведений о старце, был чистейшей выдумкой¹⁹, некоторое предостережение на этот счет томский купец действительно получил²⁰.

* * *

Жизнеописание старца Феодора Кузьмича, составленное епископом Петром (Екатеринов-

ским), было опубликовано в «Русской старине» тремя месяцами ранее жизнеописания, подготовленного М.Ф. Мельницким (октябрь 1891 г. и январь 1892 г.). Возможно, рукописи были доставлены из Томска одновременно. Тексты появились в печати после смерти обоих авторов²¹. Сроки написания жития преосвященным нами не выяснены. С июля 1883 г. он уже не возглавлял Томскую епархию, а находился на покое²². Тем не менее в 1887 г. к нему обращался С.Ф. Хромов с письмом по поводу Феодора Кузьмича²³.

Жизнеописания, составленные епископом и М.Ф. Мельницким, не противоречат друг другу. Напротив, они содержат немало фактов перекликающихся и взаимно подтверждаемых. Текст М.Ф. Мельницкого — это написанная светским человеком биография лица, живущего духовной жизнью. Краткое житие, составленное епископом, восполняет этот недостаток. Владыка был автором ряда богословских трудов²⁴, и потому его оценки Феодора Кузьмича и принятие им сведений архимандрита Виктора, С.Ф. Хромова и других лиц особенно весомы.

«В пределах Томской губернии, — пишет преосвященный, — с 1837 по 1864 год подвизался старец под именем Феодора Кузьмича — личность очень замечательная». «Замечательно, что, когда вели его с прочими арестантами по этапам, арестанты, конвойные солдаты и этапные офицеры оказывали ему особенное уважение, охраняли от неприятностей, от негодных людей, на noctleg отводили ему особую комнату, и старец во всю дорогу ни в чем не нуждался». И далее: «Благообразная наружность старца, свидетельствовавшая о его строгой подвижнической жизни, с первого раза внушала крестьянам особенное уважение к нему и готовность принять к себе»²⁵.

На основании информации, полученной от многих лиц, епископ высоко оценил наставления, кото-

¹⁵ Василич Г. Восшествие на престол императора Николая I. 4-е изд. М., 1910.

¹⁶ См., напр.: Из прошлого. Ч. II. М., 1917. Третья часть была опубликована частично в «Голосе минувшего» за 1916 г. (№ 2). В полном виде воспоминания Н.В. Давыдова (Василич Н.) сохранились в его архивном фонде (РГАЛИ. Ф. 164. Оп. 1).

¹⁷ Василич Г. Александр I и старец Феодор Кузьмич. С. 157.

¹⁸ См. об этом подробнее в следующем разделе.

¹⁹ Таинственный старец Феодор Кузьмич в Сибири и император Александр I / Составлено Томским кружком почитателей старца Феодора Кузьмича. Харьков, 1912. С. 146. (Далее: Таинственный старец... 1912)

²⁰ Там же. С. 73.

²¹ Епископ Петр скончался в мае 1889 г., а М.Ф. Мельницкий — в начале 1891 г.

²² Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700—1917. Ч. 1. М., 1996. С. 762.

²³ Таинственный старец Феодор Кузьмич в Сибири и император Александр I. Составлено Томским кружком почитателей старца Феодора Кузьмича. Изд. Д.Г. Романова. Харьков, 1912. С. 57.

²⁴ См.: Полный Православный богословский энциклопедический словарь. СПб. Изд. П. П. Сойкина. Б/д. Репринтное издание. М., 1992. Т. II. Ст. 1803.

²⁵ Епископ Петр. Указ. соч. С. 233—234.

рые давал Феодор Кузьмич посетителям, и сожалел о том, что они не были записаны. «Наставления его были серьезны, немногоречивы, разумны, всегда направлены к нравственному состоянию посетителя, часто метили на сокровенные помышления, тайны сердца и поступков, большей частью были прикровенны, так что едва были понятны тому, к кому относились, а другим было часто непонятно, к чему это он говорит. Жаль, что эти наставления разным лицам никем не записывались в свое время, а теперь они потеряны для нас»²⁶.

В отличие от рассмотренных выше источников — записок С.Ф. Хромова, «Сведений», воспоминаний А.Н. Федоровой, жизнеописания, составленного М.Ф. Мельницким, — авторы которых и не пытаются давать какие-либо обобщающие характеристики духовной жизни Феодора Кузьмича, владыка Петр (Екатериновский) делает такие обобщения. Он утверждает, что «старец вел жизнь уединенную, сокровенную, при сугубом посте, занимался постоянно молитвою, богоныслием»²⁷.

Преосвященный счел возможным включить в житие признания старца о том, что ему является Небесный Свет, что он видел Святую Троицу, что ему открыто, когда он умрет. «Он неоднократно говорил Хромову, — пишет епископ Петр, — что он, по милости Божией, ежедневно удостаивается трапезы Господней, т.е. принимает Святое Причастие чрез ангела Господня»²⁸. И в другом месте, в связи с болезнью Феодора Кузьмича, владыка говорит: «Во время болезни часто бывали ему видения: то Спаситель являлся, то Пресвятая Богородица, то лики святых»²⁹.

Под первом главы Томской епархии особую ценность приобретают свидетельства о посещении Феодором Кузьмичом томского духовенства: преосвященного Парфения, настоятеля монастыря архимандрита Виктора и схиеромонаха Германа³⁰.

В заключение своего краткого жизнеописания епископ Петр отмечает много случаев исцелений — по молитвам старца — «от тяжелых и опасных болезней, в которых врачи не могли помочь больным»³¹.

* * *

Третье раннее жизнеописание — «Сказание о жизни и подвигах великого раба Божия старца Феодора Кузьмича, подвизавшегося в пределах Томской губернии с 1837 по 1864 год» — было издано почти одновременно с публикациями епископа Петра и М.Ф. Мельницкого: первое издание — СПб., 1891 г., второе — 1892 г., третье — М., 1894 г.³²

Составитель этого жития — Елисей Захарович Захаров — указал свое имя только в конце предисловия к первому изданию. Следующие издания выходили безымянно. В предисловии «От издателя» Е.З. Захаров рассказал об обстоятельствах возникновения его замысла и об источниках, которыми он пользовался. «7-го августа 1889 года, находясь по некоторым делам моим в г. Томске, я был живо заинтересован весьма распространенной молвой о проживавшем и скончавшемся здесь, в 3-х верстах от города Томска на заимке, у купца Семена Феофановича Хромова, старце 80 лет, Феодоре Кузьмиче. Об этой личности ходят многие толки, свидетельствующие как о подвижнической жизни означенного старца Феодора Кузьмича, — так и о том уважении и доброй памяти, которые сохранились о нем и поныне в местном населении»³³.

Е.З. Захаров посетил С.Ф. Хромова 8 августа 1889 г. и, по-видимому, получил от него одну из записок, в которой купец «изложил свои воспоминания о Феодоре Кузьмиче». Захаров прямо не говорит о передаче ему текста Хромовым, но отмечает существование «записки» и то, что она «еще не была напечатана для ознакомления публики». Затем он упоминает о выходе в «Русской старине» за 1887 г. и январь 1892 г. «статьей» о Феодоре Кузьмиче, «из которых видны общие черты его жизни» (в январском номере 1892 г. вышло жизнеописание М.Ф. Мельницкого). «Поэтому, — пишет Е.З. Захаров, — желая с своей стороны, насколько возможно, изобразить эту таинственную личность, мы предлагаем сказание о нем, составленное частию по означенным статьям журнала «Русская старина», а частию из тех воспоминаний о нем, которые имеются в записке Хромова и других»³⁴.

²⁶ Там же. С. 234.

²⁷ Там же. С. 235.

²⁸ Там же. С. 236.

²⁹ Там же. С. 239.

³⁰ Там же. С. 235-236.

³¹ Там же. С. 240.

³² Третье издание «Сказания...» воспроизведено в кн. «Император-старец Феодор Кузьмич». М., 2002. С. 185 — 226.

³³ Сказание... СПб., 1891. С. 4.

³⁴ Слова «и других» добавлены в третьем издании. См.: Сказание... М., 1894. С. 6.

Е.З. Захаров неудачно назвал составленное им житие старца «Сказанием...»³⁵: это слово уводит современного читателя в область стариных преданий, легенд, ассоциируется с художественным творчеством. Между тем текст этого жизнеописания основан на конкретных фактах, сообщенных очевидцами. Большую часть «Сказания...» занимает почти дословный пересказ одной из записок С.Ф. Хромова. В первом издании этим изложение и ограничивалось, но в конце жития Е.З. Захаров выразил желание продолжать сбор сведений о старце, «особенно пока находятся еще в живых его современники»³⁶. Поэтому во втором и третьем изданиях находим ряд новых данных, исходящих от современников Феодора Кузьмича.

Текстом «Сведений» составитель явно не располагал. Тем большее значение приобретает его сообщение о благословении старца митрополитом Филаретом «скрыть свое происхождение и принять на себя вид скитающегося пустынника». Тем самым подтверждается показание Феклы Степановны Коробейниковой, зафиксированное в «Сведениях». Е.З. Захаров указывает, что это обстоятельство было известно «между лицами, знавшими старца Феодора Кузьмича»³⁷. Из воспоминаний А.Н. Федоровой в «Сказании» приводится ряд существенных подробностей, отсутствующих в записи М.Ф. Мельницкого. Рассказаны, например, обстоятельства первого ухода Александры Никифоровны на богомолье. Вскоре после того, как старец говорил ей о необходимости идти «в Киев молиться», «пришла в село Краснореченское из Кяхты Гурлова — мещанская вдова города Кяхты, и другие странницы с ней, направлявшие путь свой в Киев на богомолье, и так как мы принимали странников, то они зашли к нам в дом. Я с ними сговорилась также идти в Киев...» В связи с благословением в путь сообщается о двух проявлениях прозорливости Феодора Кузьмича. «Там увидишь Царя», — сказал он Александре. А также предсказал, что пути странниц вскоре разойдутся: «Недолго вчетвером пройдете, враг плевель посеет, и вы разойдетесь», что и случилось уже в Томске³⁸.

Тема царя в разговорах старца с его молодой помощницей и ученицей, выходившая подчас в подтексте на самого Феодора Кузьмича, также получает дополнительное освещение в «Сказании». «Когда я, бывало, приносила старцу в избушку жареные в масле круглые оладьи, он говорил: “А что, панушка, если бы твоих пышек да Царь покушал, как бы он тебя благодарил? А кто знает, может быть, он и отблагодарит тебя за эти пышки, будешь получать. Вот крестьяне-то будут носить в Казначейство деньги, и ты будешь оттуда же получать”³⁹. Вот кабы к вам сейчас Царь приехал, как бы ты его приняла, как бы обрадовалась? А я бы в разбойнической одежде пришел, как бы ты меня приняла-то?” Я ему говорила: не знаю, как бы приняла»⁴⁰.

Собеседники старца приходили к выводу о нарочитости его простонародной речи, так как высокий уровень его образования поражал сибиряков всех сословий. В «Сказании» по этому поводу говорится: «Старец Феодор, по словам знавших его, обладал знанием иностранных языков и когда хотел — речь его была плавная и гладкая; но часто он нарочно старался изменить произношение слов и выговаривать их по-простонародному. Иногда он любил давать посещавшим его уменьшительные и ласкательные названия. Так самого Хромова он постоянно называл “панок”»⁴¹. Обращения «панок», «панушка» (паничка), встречающиеся при пересказе прямой речи старца, действительно относятся к нарочитому опрощению им своего языка. Но это опрощение было сознательно усвоено Феодором Кузьмичем, по-видимому, до Сибири, в период «бродяжничества», так как сами словечки эти бытовали в западных и юго-западных районах России (от слова «пан»). Заметим попутно, что не менее часто встречается в цитируемых высказываниях старца обращение «любезный», характерное для царской семьи⁴².

Несомненный интерес представляют сообщения о Феодоре Кузьмиче, исходившие из красноярской священнической семьи Поповых. Они присутствуют в разных источниках. Согласно М.Ф. Мельницкому, протоиерей Красноярской церкви Петр По-

³⁵ Следует отметить, что традиция называть именно так жития подвижников благочестия существовала, хотя и не получила широкого распространения.

³⁶ Сказание... СПб., 1891. С. 24.

³⁷ Сказание... 3-е изд. М., 1894. С. 8.

³⁸ Сказание... 3-е изд. М., 1894. С. 19—21.

³⁹ Александра Никифоровна потом получала из казначейства пенсию как вдова майора Федорова.

⁴⁰ Сказание... 3-е изд. С. 20.

⁴¹ Там же. С. 40.

⁴² См., напр., переписку братьев Александра I — Николая Павловича и Михаила Павловича: ГАРФ. Ф. 728. Коллекция документов Рукописного отделения Зимнего Дворца. Оп. 1. Кн. 3. Д. 1402.

пов, «человек очень хорошей жизни, получивший хорошее образование, горячо любимый своею пас-твою», был постоянным духовником Феодора Кузьмича в годы жизни его в Боготольской вол., до Томска. Он приезжал к старцу 2-3 раза в год, иногда подолгу оставаясь у него. Крестьянам о. Петру говорил, что они должны относиться к Феодору Кузьмичу с особым уважением, так как он «великий угодник Божий»⁴³. В разных записках С.Ф. Хромова речь идет о вдове дьякона — брате о. Петра, Наталии Яковлевне Поповой, известной своим благочестием, часто ездившей к старцу на Красную речку, а потом и в Томск за советом, наставлением и благословением. Н.Я. Попова была убеждена, что Феодор Кузьмич — император Александр I. К этому убеждению она пришла не только на основании собственных наблюдений и наблюдений других людей, но особенно после откровения, явленного ей по молитвам старца⁴⁴.

В «Сказании» приводятся два случая прозорливости Феодора Кузьмича, о которых рассказала Н.Я. Попова. Наиболее значительный из них касается священника Петра Попова, служившего в это время, как указывается в «Сказании», в Благовещенском храме Красноярска. Именно в данный храм, один из престолов которого был посвящен св. благоверному князю Александру Невскому, император Александр I подарил образ этого святого⁴⁵. О. Петр попросил Наталию Яковлевну с дочерью пожить в его доме, чтобы послужить ему. Когда вдова обратилась по этому поводу за советом к старцу, он сказал: «Поживите, послужите недолго о. Петру: ему готовится царская корона, следу его будут скоро кланяться». Действительно, о. Петр через год был удостоен архиерейского сана — стал епископом Павлом⁴⁶.

Следующее поколение этой семьи также отзывалось о Феодоре Кузьмиче с глубочайшим почтением. В «Сказании» изложен рассказ зятя Наталии Яковлевны — священника И. Тыжнова — о его поездке к старцу. Рассказ содержит и редко передава-

емые в источниках наставления духовника⁴⁷.

Наряду с такими насыщенными существенной информацией и подтверждаемыми другими источниками подробностями «Сказанию» присущи некоторая беглость и сумбурность изложения, приводящие иногда к ошибкам. Так, два паломничества Александры Никифоровны Федоровой в Европейскую Россию слились в этом жизнеописании в одно. В целом «Сказание» может служить одним из источников жизнеописания старца Феодора — в сопоставлении с другими материалами⁴⁸.

5. Отдельные свидетельства очевидцев. Целенаправленный сбор материалов в конце XIX — начале XX вв. и некоторые особенности их использования

Наряду с рассмотренными выше текстами, содержащими многообразные сообщения лиц, близко и длительное время знавших старца (Записки С.Ф. Хромова, «Сведения», воспоминания А.Н. Федоровой), либо излагающими в виде жизнеописания подобные свидетельства современников, которых авторы ранних житий застали в живых (жития Мельницкого и епископа Петра, «Сказание»), сохранились еще отдельные рассказы очевидцев. Некоторые из них или сами опубликовали свои наблюдения, или оставили их в записи; показания других (таких — большинство) дошли до нас в пересказе.

Хорошо известно упоминание о Феодоре Кузьмиче в печати, появившееся в 1880 г. Князь Николай Сергеевич Голицын (1809-1892) — генерал, военный историк, профессор Академии Генерального Штаба, — будучи стариком 70 лет, счел своим долгом опубликовать известные ему «Рассказы об императорах Павле I и Александре I»⁴⁹. Большая часть его работы посвящена Александру Благословенному и передает сначала наблюдения об образе жизни его в Таганроге — со слов Павла Алексеевича Тучкова, который был тогда в свите

⁴³ Мельницкий М.Ф. Указ. соч. С. 90.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 487. Скальдин А.Д. Оп. 1. Д. 137. Л. 4: 6—6 об. На откровениях, связанных с происхождением Феодора Кузьмича, мы остановимся специально в следующей главе.

⁴⁵ Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск. 1998. С. 73.

⁴⁶ Сказание... З-е изд. С. 51. По официальным данным, епископ Павел (Попов) возведен в архиерейский сан 6 марта 1860 (Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700—1917. Ч. 1. М., 1996. С. 700).

⁴⁷ Сказание... З-е изд. С. 52—53.

⁴⁸ Е.З. Захаров после третьего издания «Сказания...», в 1897 г., опубликовал еще брошюру «Из прошлого. Легенда о кончине Императора Александра Павловича», представляющую собой извлечение из труда Н.К. Шильдера «Император Александр I, его жизнь и царствование». В начале XX в. томский собиратель материалов о Феодоре Кузьмиче Н.А. Гурьев называет Е.З. Захарова «известным почитателем покойного старца». См.: Таинственный старец Феодор Кузьмич в Сибири и император Александр Благословенный. Харьков, 1912. С. 5.

⁴⁹ Князь Голицын Н.С. Рассказы об императорах Павле I и Александре I / / Русская старина. 1880. Т. 29. Сентябрь—декабрь. С. 740—744.

императора; затем — «народную легенду об Александре-отшельнике» со слов жившего в Сибири товарища князя. Автор отмечает сердечное обращение и простоту императора Александра. В Таганроге он «жил как частный человек без свиты и придворного этикета». Ежедневно прогуливался пешком, и «редко прогулка его не была означенена каким-нибудь помошью бедному семейству, отысканному им самим, или каким-нибудь благодеянием другого рода»⁵⁰. Примечательно, что князь Н.С. Голицын рядом с описанием поведения государя императора в Таганроге и под общим заглавием поместил сообщения о жившем в «одном из глухих мест» Западной Сибири «отшельнике Александре», хотя и сопроводил их рассуждениями рассказчика о самозванцах. При этом князь передает один из случаев узнавания Александра I в Феодоре Кузьмиче, встречающийся в свидетельствах других сибиряков⁵¹. Точность описания случая и сам факт включения этой темы в рассказы об императоре Александре I наводят на мысль, что осведомленность князя о сибирском старце была большей, чем он хотел это показать.

Несмотря на неопределенность «глухого» места и другое имя, Феодор Кузьмич был узнан сибиряками в «отшельнике Александре». На заметки князя Н.С. Голицына сразу же откликнулся томич В. Долгорукой. 11 февраля 1881 г. он написал в «Русскую старину» свои сведения о старце, сопроводив их решительным заявлением о том, что это несомненно отшельник «отец Феодор», «который жил неподалеку от Томска и умер лет семнадцать тому назад». «Да и других отшельников, — писал этот автор, — которые бы пользовались большою известностью и о которых бы ходила молва, что они, будто, из царского рода, — в нынешнем столетии ни в Восточной, ни в Западной Сибири, — не существовало»⁵². Заявление само по себе примечательно: подобно М.Ф. Мельницкому, В. Долгорукой опровергает предположение

о возникновении «легенды» за счет падкости сибиряков на сенсационные объяснения тайн происхождения.

В этом небольшом материале содержатся достоверные подробности: «Близ Томска, в 4-5 верстах, есть земля (...) принадлежащая томскому купцу Семену Феофановичу Хромову, почтенному старцу, поныне, в 1881 г. здравствующему». И дата, опубликованная в журнале рядом с подписью В. Долгорукого, и дата, включенная в текст, свидетельствуют о том, что между присыпкой материала и публикацией его прошло более шести лет. Что помешало «Русской старине» опубликовать сразу скромную заметку, лишь продолжающую уже поднятую на страницах журнала тему?

Автор отмечает величественную наружность старца, замечательный дар слова, знание иностранных языков, глубокую осведомленность в русской истории и в жизни высшего света. Он подчеркивает строгий иноческий образ жизни, а по поводу дара прорицания приводит конкретный случай, который встречается и в рассказах других сибиряков: служитель Хромова недоволен был тем, что должен везти дрова на землю к старцу. Когда он привез, старец не принял от него дрова, объяснив, как худо говорил по этому поводу служитель. Возница пал на колени и просил прощения⁵³.

Вслед за задержанным в редакции на шесть с лишним лет материалом В. Долгорукого «Русская старина» опубликовала в ноябре 1887 г. заметку о старце И. Смирнова, срок поступления которой в журнал неясен. Автор лично видел «отшельника Феодора» в июле 1859 г., заехав к нему вместе с ректором Томской семинарии. «На приветствие, речи и советы о. Ректора посещать церковь и приобщаться Св. Таин он отвечал мало на странном наречии из смеси церковно-славянского языка с латинским...»⁵⁴ Поскольку из других источников известны высокие оценки старца многими духовными лицами, включая архиереев, можно

⁵⁰ Там же. С. 740—742.

⁵¹ В той же местности, где жил отшельник, «жили двое бывших придворных служителей. Один из них опасно заболел и, не имея возможности самому отправиться к затворнику, упросил своего товарища посетить его и испросить у него помоши или указания средства исцеления больного. Товарищ его, при помоши одного человека, имевшего доступ к затворнику, был принят по последним в его келии, провожатый же остался в сенях. Посетитель, только что вошел в келию, тотчас бросился в ноги затворнику и, стоя перед ним на коленях, с поникшою головою, рассказал ему, в чем было дело. Кончив, он с чувствует, что затворник обеими руками своими поднимает его, и в то же время он слышит и не верит ушам своим — чудный, кроткий, знакомый ему голос... Встает, поднимает голову, взглянув на затворника, — и с криком, как сноп, повалился без чувств на землю. Затворник отворил дверь в сени и кротко сказал провожатому: “Возьмите и вынесите его бережно, он очнется и оправится, но скажите ему, чтобы он никому не говорил, что он видел и слышал; больной же товарищ его выздоровеет” (что действительно и случилось). Очнувшийся же и оправившийся не мог утаить от своего провожатого и от товарища, что в лице затворника он узнал... Императора Александра Павловича, но престарелым и с седою бородою». — Там же. С. 743.

⁵² Долгорукой В. Отшельник Александр (Феодор) в Сибири // Русская старина. 1887. Октябрь. С. 217.

⁵³ Там же. С. 218—219.

⁵⁴ Смирнов И. Отшельник Феодор // Русская старина. 1887. Ноябрь. С. 529.

предположить, что в данном случае назидания ректора, не способного почувствовать уровень отшельника, вызвали некое пародирование богословской учености со стороны Феодора Кузьмича.

И. Смирнов, тем не менее, счел возможным присовокупить к своим непосредственным впечатлениям об «отшельнике Феодоре» услышанный им в Петербурге «нелепый» и «невероятный» рассказ «о мнимой смерти императора Александра Павловича». Но, помилуйте, зачем же самому помещать «нелепый» и «невероятный» рассказ в журнал, да еще рядом с воспоминаниями о старце Феодоре?! Сообщил же он буквально следующее: «Во время пребывания своего в Таганроге император, осматривая со своим лейб-медиком Виллие военный лазaret, нашел там умирающего солдата, весьма схожего с императором. Этот солдат был доставлен во дворец и выдан за Александра Павловича, который удалился как простой странник. Солдат же по смерти был похоронен как император. Виллие же, как главный деятель этой подмены, награжден был огромною суммою денег, на которую будто бы и выстроена была клиника Виллие»⁵⁵.

Весьма существенны свидетельства Василия Александровича Кокорева (1817—1889), советника коммерции, учредителя Закаспийского торгового товарищества (1857 г.). С.Ф. Хромов был хорошо знаком с Кокоревым. Г. Василич подчеркнул в своей книге, что именно от В.А. Кокорева (а не от Хромова) стало известно, что Хромов приезжал в Петербург с письмами от Феодора Кузьмича к императору Александру Николаевичу. Письма были «наставительного содержания». В.А. Кокорев «чрез одного дворцового служителя доставил эти письма прямо в кабинет Государя»⁵⁶. Василий Александрович Кокорев передавал также рассказ Хромова о реакции старца на сообщение о беседе Александра I с Наполеоном. С.Ф. Хромов читал вслух своему знакомому книгу, где рассказывалось об этой беседе. Живший в это время у Хромова Феодор Кузьмич подал голос из боковушки, где он молился: «Никогда я этого не говорил ему»⁵⁷.

Эта группа источников — отдельные свидетельства — существенно пополнилась в конце XIX — начале XX в. в связи с целенаправленным (хотя и малыми силами) сбором материалов о Феодоре Кузьмиче на местах его жительства. Такой сбор проводился в этот период сначала по инициативе,

В часовне всем святым в земле Сибирской просиявшим. Г. Москва.

исходившей из самых высоких кругов Петербурга, потом — по замыслу почитателей старца из Томска. Каждая из этих ситуаций заслуживает того, чтобы остановиться на ней специально.

Великий князь Николай Михайлович (двоюродный брат императора Александра III и двоюродный дядя царствовавшего государя Николая II) был историком и хорошо ориентировался в историографии и документальных материалах. Великий князь курировал Императорское Историческое общество; из переписки Николая Михайловича с государем видно, как много внимания он уделял этой организации⁵⁸. В то же время великий князь подолгу бывал за границей и, по видимому, даже в 1916 г. не представлял себе той угрозы, которая нависла над царским домом и над всей страной⁵⁹. Сам он пал жертвой разразившейся катастрофы в январе 1919 г.

⁵⁵ Там же. С. 530.

⁵⁶ Василич Г. Указ. соч. С. 154.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 601. Император Николай II. Оп. 1. Д. 1310. Л. 56—59, 79 и др.

⁵⁹ Там же. Л. 69—96.

Когда великий князь Николай Михайлович задумал написать специальную работу о том, умер ли император Александр I в Таганроге или стал старцем Феодором Кузьмичом (этой теме с 80-х годов XIX в. уделялось заметное внимание на страницах исторических журналов), он послал Н.А. Лашкова собирать материал в Сибири. Сам великий князь пишет об этом в мае 1907 г.: «Мне помогал в моих исследованиях по вопросу о Феодоре Кузьмиче один молодой человек Николай Аполлонович Лашков, бывший чиновник особых поручений при новгородском губернаторе графе Медеме. Лашкова я дважды посыпал на мои средства в Сибирь, где на местах он сделал самые подробные справки и составил весьма интересный доклад о всех сказаниях, толках, рассказах, анекдотах о старце Феодоре Кузьмиче, слышанных им во время его путешествия»⁶⁰. Предвзятость позиции великого князя заметна не только в названии работы — «Легенда...», но и в этом определении задачи Н.А. Лашкова — сбор «сказаний», «толков», а не выявление реалий жизни старца. А между тем ведь помощник Николая Михайловича беседовал с людьми, знавшими Феодора Кузьмича! Великий князь стремился доказать, что Александр I действительно умер в Таганроге и Феодор Кузьмич не мог быть императором. Упор он сделал на то, что в народе всегда ходят нелепые слухи, и вместо анализа конкретных фактов привел множество этих слухов. В небольшой работе великого князя содержатся неполные и неточные сведения о Феодоре Кузьмиче. Скупо изложив некоторые данные о жизни старца в Сибири, Николай Михайлович утверждает, что это все, что о нем известно. А ведь к тому времени были уже опубликованы все три жизнеописания Феодора Кузьмича.

Что же дали на самом деле сборы Н.А. Лашкова? По свидетельству Н.Г. Мещеринова, управляющего удельным имением в Новгородской губернии, лично знавшего Лашкова в Новгороде⁶¹, по-

мощник Николая Михайловича «вернулся из поездки убежденным в тождестве Императора и Старца». Когда вышла из печати работа великого князя, «то мы, — пишет Н.Г. Мещеринов, — в удивлении задавали Лашкову вопрос, как могло случиться, что Николай Михайлович опровергает легенду? — На это Лашков только разводил руками». С Н.А. Лашковым беседовал также петербургский автор К.Н. Михайлов, опубликовавший в 1913 г. в качестве ответа великому князю свою книжку, в которой решительно утверждает тождество императора и старца⁶².

На работу Николая Михайловича откликнулись критически, открыто и под псевдонимами⁶³. Приведенные великим князем материалы об обстоятельствах «кончины» императора в Таганроге внимательно рассмотрел князь В.В. Барятинский и пришел к выводу, что Александр I не умер в Таганроге⁶⁴. За рубежом, в аристократической и научной среде русских эмигрантов и их потомков, неоднократно высказывалось предположение, что великий князь был несвободен в своих выводах, не соответствовавших тем материалам, которыми он располагал: за этим стояло, как думали, указание императора Николая II⁶⁵. Представляется, что это предположение ошибочно.

Прежде всего, сама книжка Николая Михайловича по своему составу и доводам свидетельствует об отношении автора к проблеме. Упор сделан на таганрогские документы (противоречивость их, отмеченную Н.К. Шильдером, автор не хочет признавать) и слухи, ходившие в народе. Святость Феодора Кузьмича, раскрывающаяся в сибирских материалах, автор не видит. Кроме того, теперь стали доступны письма великого князя к императору Николаю II, из которых явственно проступает его собственная отрицательная позиция в оценке возможности преображения Александра Благословенного в старца. В правоте своей он стремится убедить императора⁶⁶. Причина предвзятого подхода Николая Ми-

⁶⁰ Великий князь Николай Михайлович. Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича // Исторический вестн. СПб., 1907. № 7. С. 8.

⁶¹ Крупенский П. Н. Тайна Императора (Александр I и Феодор Кузьмич). Исторические исследования по новейшим данным. Берлин, 1927. Репринт. Спб. 1986. С. 90. П. Н. Крупенский опубликовал в своей книге текст Н.Г. Мещеринова.

⁶² Михайлов К.Н. Император Александр I — старец Феодор Козмич. Историческое исследование. СПб., 1913. О беседе с Н.А. Лашковым см. с. 10.

⁶³ Россиев П. Живучая легенда // Исторический вестн., 1907. Т. 109. № 8. С. 687—688. Л-аго Н-го. Загадочный человек // «Колокол». № 438. 1907, 19 июля; В.Г. По поводу легенды об императоре Александре I // Исторический вестн. 1914. Сентябрь. С. 858—870.

⁶⁴ Князь Барятинский В.В. Царственный мистик (Император Александр I — Федор Козмич). СПб., 1912. К аргументации В.В. Барятинского, перекрывающей доводы Николая Михайловича по вопросу о Таганроге, мы вернемся в соответствующем месте.

⁶⁵ Обзор высказываний такого рода в эмигрантской литературе см.: Фомин С.В. Указ. соч. С. 63—68.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 601. Император Николай II. Оп. 1. Д. 1310. Л. 52. Письма Николая Михайловича к императору Николаю II опубликованы: Российский архив. Т. IX. М., 1999. С. 356.

хайловича в значительной мере раскрывается в его исследовании царствования Александра I, задуманном и опубликованном уже после выхода в свет «Легенды...», как бы в ответ на критику этой работы⁶⁷. Великий князь, к сожалению, оказался совершенно не в состоянии увидеть и понять поворот, который произошел в духовном состоянии и правлении Александра I⁶⁸. Он обращается к переписке его с князем А.Н. Голицыным, Р. Кошелевым, госпожой Крюденер, Адамом Чарторыйским, то есть к тем источникам, которые характеризуют взгляды и политику императора до решительного изменения в его убеждениях. Соответственно религиозная жизнь Александра Благословенного, связанная, в частности, с тайным или неофициальным посещением монастырей, осталась вне поля зрения этого историка.

В эмигрантской среде сохранилось несколько свидетельств разных лиц о том, что великий князь Николай Михайлович изменил свою точку зрения в последние годы перед революцией либо после нее и, более того, что он упоминал некие новые документы, доказывающие тождественность императора и Феодора Кузьмича⁶⁹. Хотелось бы думать, что историк из царской семьи, принявший смерть от богооборческой власти, под конец жизни все-таки понял своего двоюродного деда, совершившего великий подвиг покаяния.

Комплекс материалов, собранных в Сибири Н.А. Лашковым⁷⁰, вошел в научный оборот, и в литературе о старце Феодоре Кузьмиче появились отдельные свидетельства очевидцев, не упоминавшиеся в ранних жизнеописаниях. В работе великого князя Николая Михайловича приводятся случаи из жизни Феодора Кузьмича, расска-

занные Лашкову старшей дочерью С.Ф. Хромовой, Анной Семеновной Оконишниковой, которую великий князь называет любимицей старца⁷¹. Анна Семеновна воспроизвела высказывания старца и обстоятельства встреч, в которых она непосредственно участвовала⁷². Степень достоверности рассказов дочери С.Ф. Хромова высоко оценил даже Николай Михайлович. «Словам Анны Семеновны можно доверять, — писал он, — потому что она почти всегда была с Феодором Кузьмичем, в год смерти которого (1864) она имела уже 25 лет от роду»⁷³.

Томские почитатели св. Феодора Кузьмича знали о сборах материала о нем Н.А. Лашковым для великого князя. Они были разочарованы (если не возмущены, но из деликатности не выражали это прямо) неполнотой сведений о старце в книге Николая Михайловича и его выводами. Сибиряки ответили активной деятельностью. В Томске из почитателей Феодора Кузьмича образовался кружок лиц, поставивший целью, как они сами утверждали, «издать возможно более полное и подробное жизнеописание таинственного сибирского отшельника и вообще производить всякие изыскания о личности знаменитого старца»⁷⁴. В изданной кружком в 1908 г. брошюре (16 стр.) наряду с конкретной и очень существенной информацией содержался призыв к лицам, «сочувствующим основной цели» кружка, доставлять все «хотя бы, по видимому, самые незначительные сведения по делу “легенды” об Александре Благословенном и житии старца Феодора Кузьмича. Каждое сведение, извещение будут приняты с глубокой благодарностью. Адресовать сообщения просят: 1) в Томск, Архимандриту Ионе, отцу настоятелю Томского мужского Алексеевского монастыря, и 2) Томск,

⁶⁷ Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I: Опыт исторического исследования. В 2-х тт. СПб., 1912.

⁶⁸ См. об этом статью М.М. Громыко в № 3 данного журнала (М., 2004).

⁶⁹ Свидетельства о разговорах с Николаем Михайловичем на эту тему обстоятельно изложены в работе: Фомин С.В. Указ. соч. С. 70—74. Историк Петр Евграфович Ковалевский, профессор Сорбонны, в 1973 г. специально сообщил в письме к Е.В. Ланге, собиравшей материалы по данной проблеме: великий князь Николай Михайлович в разговоре с его отцом Евграфом Петровичем после революции утверждал, что «переменил свое мнение и признал легенду о Феодоре Кузьмиче действительной». См.: Ланге Е. Александр I и Федор Кузьмич. Обзор мнений. // Записки русской академической группы в США. Т. XIII. Нью-Йорк. 1980. С. 291.

⁷⁰ Материалы эти сохранились (возможно, неполностью) в петербургской части архива великого князя Николая Михайловича. Российский государственный исторический архив. Ф. 549. Оп. 1. Д. 275, 277. В наши дни внимание исследователей к ним привлекла Т.В. Андреева. См.: Андреева Т.В. Смерть Александра I. (Некоторые новые аспекты) // Мартовские чтения памяти С.Б. Окуни. Материалы научных конференций. СПб., 1996. С. 39—40.

⁷¹ Великий князь Николай Михайлович. Легенда о кончине... С. 9.

⁷² К содержанию этих рассказов мы вернемся ниже в соответствующем месте жизнеописания старца.

⁷³ Великий князь Николай Михайлович. Легенда о кончине... С. 9.

⁷⁴ Таинственный старец Феодор Кузьмич в Сибири и император Александр Благословенный. Саратов, 1908. (Далее: Таинственный старец... 1908). С. 4.

Дмитрию Григорьевичу Романову⁷⁵. Кажется, томичи первыми поместили слово «легенда», применяемое к данной проблеме, в кавычки.

Летом 1907 г. в деятельности кружка «принял живейшее участие достоуважаемый отец настоятель Томского Алексеевского монастыря, архимандрит Иона (Илья Иванович Изосимов), старинный и искреннейший, убежденнейший почитатель таинственного сибирского старца»⁷⁶. Так писал об архимандрите другой член кружка — Н.А. Гурьев, который стал автором-составителем книги, обобщившей все собранные материалы. Архимандрит Иона передал Н.А. Гурьеву «массу материалов, печатных и рукописных, в высокой степени ценных» и ранее ему (Гурьеву) неизвестных⁷⁷.

Участие архимандрита Ионы в трудах томского кружка, одобрение им направления изысканий и выводов придают особый вес всей этой деятельности томичей и ее результатам. О. Илья (Изосимов) (1838—1908) окончил Томскую духовную семинарию в 1860 г. и, следовательно, мог иметь личные впечатления о св. Феодоре Кузьмиче уже семинаристом (старец переехал в Томск в 1858 г.). В том же 1860 г. он был рукоположен во священника и затем служил в селах Верх-Ирменском, Зеледеевском и Есольском Томской епархии, так что имел возможность бывать в Томске при жизни старца⁷⁸. В 1872 г. о. Илья Изосимова назначили настоятелем Томской тюремной церкви, и в этом качестве он присутствовал в 1882 г. на встрече начальника Главного тюремного управления М.Н. Галкина-Брасского⁷⁹ со всеми должностными лицами его ведомства. Приняв благословение у о. Ильи, начальник рассказал во всеуслышание, что остался жив по молитвам старца Феодора Кузьмича⁸⁰.

Отец Илья Изосимов сверх прямых обязанностей священника постоянно занимался духовным

просвещением. Будучи настоятелем Томской тюремной церкви, а затем Александро-Невской церкви при Томском исправительном арестантском отделении, он преподавал в тюремной школе. Позднее был законоучителем в томских приходских школах, благочинным и, наконец, духовником Томской семинарии. В течение девяти лет о. Илья состоял членом Томской духовной консистории. В 1901 г. он принял постриг с именем Ионы и стал настоятелем Томского Богородицо-Алексеевского монастыря с посвящением в сан архимандрита.

Материалы о Феодоре Кузьмиче архимандрит Иона, судя по всему, собирали много лет. О его отношении к почитаемому старцу наиболее убедительно свидетельствует такой факт: «архимандрит при жизни своей каждое воскресение совершал панихиду и краткий молебен в келии Феодора Кузьмича, что на Монастырской улице, при доме Чистякова»⁸¹. В книге «Таинственный старец...» (1912), обобщившей сведения, собранные томским кружком почитателей старца, отмечено: «Благодаря инициативе и трудам отца архимандрита Ионы, на частные пожертвования воздвигнута прекрасная каменная часовня на могиле Елагославенного старца Феодора Кузьмича»⁸². Автор этого текста — Н.А. Гурьев — сознательно употребил здесь наименование «Благословенный», присвоенное императору Александру I в 1814 г.

В Томске не имел хождения слух о том, что тело старца в 1864 г. было перевезено М.Н. Галкиным-Брасским в Петербург и в присутствии императора Александра II и немногих свидетелей помешено в Петропавловском соборе в гробнице императора Александра I, оказавшуюся при этом пустой⁸³. Томичи считали, что и они сами, и приезжие почитатели (а таковых было много, в том числе в 1891 г. цесаревич Николай Александрович

⁷⁵ Там же. С. 15.

⁷⁶ Таинственный старец Феодор Кузьмич в Сибири и император Александр I / Составлено Томским кружком почитателей старца Феодора Кузьмича / Изд. Д.Г. Романова. Харьков, 1912. (Далее: Таинственный старец... 1912). С. 1.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Таинственный старец... 1912. С. 162.

⁷⁹ См. о нем в начале нашей статьи — в № 4 этого журнала.

⁸⁰ Таинственный старец... 1912. С. 71—72. М.Н. Галкин Брасский рассказал: «Из Восточной Сибири я намеревался ехать морем и уже отправил все свои вещи на пароход, но потом передумал и захотел побывать еще в Томске и поклониться на могиле старцу Феодору, поэтому и возвращаюсь в Петербург сухим путем... И что же случилось?.. Пароход, на котором я должен был ехать, утонул, утонули и все мои вещи, на нем находившиеся. Значит, и я подвергся бы такой участи, если бы не пожелал побывать в Томске и поклониться на могиле старцу Феодору Кузьмичу».

⁸¹ Там же. С. 163. Прежде владельцем этого дома был С.Ф. Хромов.

⁸² Там же.

⁸³ Как уже отмечалось выше, эта версия изложена в рукописи историка барона Н.Н. Врангеля со слов полковника (позднее — генерала) И. И. Балинского. РГАЛИ. Ф. 1778. Фролов А.В. Оп. 1. Д. 144. Л. 141—142.

вич, будущий император Николай II)⁸⁴ припадают не к могиле, освященной прежним пребыванием в ней тела святого, но хранящей его останки.

В 1903 г., при строительстве часовни на могиле Феодора Кузьмича, было обнаружено повреждение крышки гроба. Для устранения повреждения крышку подняли, и при свете свечи (гроб находился в склепе) архимандрит Иона вместе с подрядчиком и архитектором усмотрели остав человека с головой, убеленной сединами и волнистой бородой. Все обстоятельства этого события были изложены в записках архимандрита Ионы, которые он передал вместе с другими материалами в распоряжение кружка⁸⁵.

От архимандрита исходил и ряд устных сообщений о старце. В их числе — одно из важнейших свидетельств тождества личности Феодора Кузьмича и императора Александра I. Отец Иона рассказал, что после смерти старца С.Ф. Хромов нашел в его вещах свидетельство о бракосочетании великого князя Александра Павловича с принцессой Баден-Дурлахской Луизой-Марией-Августой, впоследствии императрицей Елизаветой Алексеевной. Этот факт при сборах материалов членами кружка получил подтверждение в сообщении жительницы Томска О.М. Балахниной. Придя однажды в келью старца, она застала там Хромова, вынимавшего бумаги из ящика. Одну из них Семен Феофанович показал Балахниной со словами: «Старца называют бродягою, а вот у него имеется бумага о бракосочетании Александра Павловича». «Бумага была толстая, синеватого цвета, величиною в лист. Некоторые строки в ней были печатные, а некоторые — письменные. Внизу листа находилась белая печать с изображением церкви»⁸⁶.

Почти одновременно с архимандритом Ионой к деятельности томского кружка подключился предприниматель Дмитрий Григорьевич Романов, который дал средства на поездки для сбора материала, а потом и на издание книг. Полевые соры материала (употребим современное название этого процесса) в селениях, где Феодор Кузьмич жил до Томска 21 год, — станице Белоярской, селах Зерцалы, Краснореченское и их окрестностях, т.е. в пределах Ачинского у. Енисейской губ. и Марининского у. Томской губ., провел Н.А. Гурьев. О своих поездках он сообщает на страницах итоговой книги кружка⁸⁷. (В сборе материала участвовал Д.Г. Романов⁸⁸, а возможно, и еще кто-то из томских почитателей старца.) Н.А. Гурьев застал еще на местах стариков, лично знавших старца⁸⁹. В октябре 1907 г. томский исследователь осмотрел и описал келью-избушку, которую в 1842 г. казак Семен Николаевич Сидоров построил для Феодора Кузьмича около своего дома (станица Белоярская). Во время поездки Н.А. Гурьева она находилась в усадьбе племянника Семена Николаевича — Михаила Матвеевича Сидорова⁹⁰. Многие факты, выявленные ранее С.Ф. Хромовым, М.Ф. Мельницким и другими, подтвердились при этих сборах. Но в Томске и селениях были получены и новые, уникальные по своей значимости сведения. К ним мы обратимся ниже при изложении жития старца.

Нельзя не сказать об активном участии в деятельности кружка Ивана Георгиевича Чистякова, статского советника, много лет занимавшего пост управляющего отделениями Государственного банка в Томске и Красноярске. Он был женат на младшей дочери С.Ф. Хромова Зиновии, и Семен Феофанович привлекал его к делам, связанным с

⁸⁴ По этому поводу у великого князя Николая Михайловича сказано, что могила старца «пользуется большим почетом у набожных слоев общества города Томска, она также уже многие годы посещается и путешественниками. Из известных лиц могилу эту посетили ныне благополучно царствующий государь, будучи еще наследником, во время своей поездки по Сибири, а раньше этого великий князь Алексей Александрович и член Государственного совета Галкин Врасский, который возобновил могилу старца, устроив на ней род часовни». *Великий князь Николай Михайлович. Легенда...* С. 9—10.

Подтверждение факта посещения Николаем Александровичем могилы Феодора Кузьмича дали и томские свидетельства, с дополнением существенных деталей. Н.А. Гурьев пишет, что зять С.Ф. Хромова И.Г. Чистяков «передавал пишущему эти строки (т.е. Гурьеву — М.Г.), со слов князя Э.Э. Ухтомского, что келию Феодора Кузьмича посетил в 1891 г., во время своего пребывания в Томске. Его Императорское высочество Наследник — Цесаревич, ныне благополучно царствующий Государь Император Николай Александрович. Государь был в келии поздно вечером в сопровождении князя Ухтомского и князя Кочубея» (*Тайнственный старец...* 1912. С. 71).

⁸⁵ *Тайнственный старец...* 1912. С. 74.

⁸⁶ Там же. С. 66—67.

⁸⁷ В книге «*Тайнственный старец...*» (1912) автор не указан. Но он легко установлен нами, так как пишет о себе, что сначала издал в 1900 г. небольшую брошюру о старце Феодоре Кузьмиче, успех которой подвиг его на дальнейшие изыскания. Вышедшая в 1900 г. брошюра включена в список литературы в конце «*Тайнственного старца*» с указанием автора — Н.А. Гурьев.

⁸⁸ *Тайнственный старец...* 1912. С. 151.

⁸⁹ Там же. С. 2, 15, 23.

⁹⁰ Там же. С. 13—14.

Феодором Кузьмичом. Н.А. Гурьев в предисловии к итоговой книге томского кружка выразил особую благодарность Чистякову, так как «его личные рассказы и указания, доставленные им рукописи послужили богатейшим материалом при составлении настоящей книги»⁹¹. Выше уже приводилась информация И.Г. Чистякова о посещении могилы старца цесаревичем Николаем Александровичем. Далее мы будем обращаться к представленным Иваном Георгиевичем сведениям, а также к его комментариям по поводу сообщений других лиц.

В целом сборы сведений о старце Феодоре Кузьмиче томским кружком его почитателей в 1907—1912 гг. дали несомненно ценные дополнения к существовавшим ранее письменным источникам (опубликованным и неопубликованным). Но следует отметить, что включение новых фактов в канву известных уже жизнеописаний в сводной книжке Н.А. Гурьева заметно страдает отсутствием профессионального исследовательского подхода. Это замечание может быть отнесено и к столичным работам того времени по данной проблеме.

6. Свидетельства генерала А. Д. Соломки, сообщенные Е. С. Арзамасцевым

Среди отдельных свидетельств, представленных томским кружком, особого источниковедческого рассмотрения требуют сообщения генерала Афанасия Даниловича Соломки, переданные московским жителем Е.С. Арзамасцевым И.Г. Чистякову. Они были опубликованы уже в первой небольшой книжке, отражавшей начало работы кружка и предварявший будущее издание⁹². Свидетельства эти, относящиеся непосредственно к проблеме тайного ухода императора Александра Благословенного в Таганрог в 1825 г., вызвали широкий резонанс. Они были опубликованы в «Колоколе», «Огоньке», «Русском слове», «Свете», «Петербургской Газете», «Петербургском Листке» и других изданиях.

Вагенмейстер А.Д. Соломка (в 1825 г. — полковник) входил в свиту Александра I в Таганроге. Н.К. Шильдер отметил, что А.Д. Соломка был одним из наиболее приближенных и доверенных лиц импера-

тора, который называл его «моя золотая соломка»⁹³. Обращение к формулярному списку Афанасия Даниловича⁹⁴ убеждает в глубоком доверии государя к нему. А.Д. Соломка происходил из дворян Черниговской губ.; в 1806 г., начал службу юнкером, через год был произведен в подпоручики, а в 1811 г. — в поручики. Судьба его резко изменилась в 1814 г.: 18 сентября он «был потребован по Высочайшему повелению в Вену во время конгресса и находился там до 13 мая 1815 года, а потом был вояжах при Государе Императоре в Мюнхен, Штутгарт, оттуда в походе до Парижа во время открывшейся в 1815-м году войны с французами и при осмотре Российской Армии в Верту, что в Шампани, где за отличие по службе произведен в штабс капитаны»⁹⁵. В течение 11 лет (с сентября 1814 г. по ноябрь 1825 г.) А.Д. Соломка неизменно сопровождал Александра I почти во всех его значительных путешествиях: после Парижа — Брюссель, Дион, Швейцария, Богемия, Берлин, Варшава, в 1817 г. — поездка по России, в 1818 г. — снова Варшава (сейм!), затем — конгресс в Аахене, Штутгарт, Веймарн, Богемия и Вена. В 1819 г. — Петрозаводск, Архангельск, Торнео и «по всей Финляндии»; снова Варшава. «В 1820 году в июле и августе месяце находился с Его Величеством в путешествии по России и в Варшаве на сейме, затем из Варшавы следовал в Тропау и Лейбах на конгресс, откуда в мае месяце 1821 года через Тироль, Венгрию, Вену и Варшаву прибыл в С. Петербург <...>»⁹⁶.

Нетрудно заметить, что формулярный список вагенмейстера может служить одним из существенных источников о многочисленных поездках императора. Но нас сейчас этот документ интересует в другом аспекте. Совершенно очевидно, что государь именно этого офицера предпочитал в качестве сопровождавшего его в самых ответственных и нередко опасных путешествиях. В 1882 г. дочь А.Д. Соломки напишет в своем прошении на имя императора Александра III: «Отцу моему (...) случалось неоднократно спасать, с опасностью своей жизни, драгоценную жизнь Государя Александра I-го. За эти подвиги и долголетнюю преданную свою службу отец мой пользовался особым расположением Их Императорских Величеств Государей: Александра I-го, Николая I-го и

⁹¹ Таинственный старец... 1912. С. 2.

⁹² Таинственный старец... 1908. С. 4—10.

⁹³ Шильдер Н. К. Александр I, его жизнь и царствование. Т. IV. СПб., 1898. С. 580.

⁹⁴ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Министерство военного Главного Штаба. Оп. 12. Д. 11219.

⁹⁵ Там же. Л. 7.

⁹⁶ Там же. Л. 8—9.

незабвенного Родителя Вашего Александра II-го»⁹⁷. После каждого путешествия с императором Александром I полковник (с 1818 г.) А.Д. Соломка получал награды.

В 1821 г. после Вены и Варшавы следует поездка полковника Соломки с императором в Псковскую и Витебскую губернии, на маневры Гвардейского корпуса, затем — Вильно, в 1822 г. — Варшава, Вена, Тироль, Верона (конгресс), Виченцы, Венеция и через Вену и Варшаву — возвращение в Санкт Петербург, в 1823 г. — Москва, Тульчин, Вознесенск, Замостье и Брест-Литовск «при осмотре Литовского корпуса и Польской армии». В 1824 г. — путешествие по России (в Пензу — смотр и маневры 2-го Пехотного корпуса). И, наконец, в 1825 г. — Варшава (сейм), Рига, Ревель; и два последних совместных путешествия — из Санкт Петербурга в Таганрог и из Таганрога — Новочеркасск, Мариуполь, Нагайск, Перекоп, Симферополь, южный берег Крыма, Севастополь, Бахчисарай, Козлов, Орехов и возвращение в Таганрог 5 ноября⁹⁸. Сколько всего было пережито вместе! Надо думать, что София Афанасьевна Соломка не преувеличивала, когда писала о случаях спасения императора от смертельной опасности. Афанасий Данилович за эти годы стал другом и доверенным лицом.

Перед своей смертью генерал Соломка открыл близкому ему человеку — Евграфу Степановичу Арзамасцеву — то, что скрывал всю жизнь. Вагенмейстер рассказал два эпизода из таганрогских событий. Приведем полностью изложение их И.Г. Чистяковым, слышавшим их непосредственно от Е.С. Арзамасцева, которого он посещал в Москве вместе со своим тестем С.Ф. Хромовым.

«18 ноября 1825 года, вечером, когда уже достаточно стемнело, Государь позвал Соломку и приказал ему оседлать трех лошадей. Когда лошади были оседланы, Александр Павлович сел на одну из них, а на остальные две приказал сесть генералу Дибичу и Соломке. Все втроем поехали за город и отъехали верст семь. Тогда Государь остановился, сердечно попрощался с Дибичем и Соломкой, велел им вернуться назад и строго при-

казал никому не говорить о случившемся. Сам же, пришпорив коня, быстро поскакал вперед и скоро скрылся в темноте»⁹⁹.

И второй эпизод. «Однажды, чуть ли не 18 ноября 1825 года, в Таганроге, мимо дворца, в котором имел пребывание Император Александр Павлович, случайно проходил местный протоиерей Федотов¹⁰⁰. В это время с крыльца быстро сходит генерал Дибич и, обращаясь к отцу протоиерою, говорит:

— Батюшка, Государь опасно заболел, нужно немедленно исповедать и приобщить его.

Протоиерей сходил за Святыми Дарами и тотчас же вернулся во дворец. Его встретил тот же Дибич и провел в опочивальню Государя. Странное впечатление произвела на духовника эта царская опочивальня. Это была громадная комната, одна часть которой была отделена драпировкой. В комнате было почти темно, так как она освещалась только одною лампадою перед иконами. Дибич провел священника за драпировку. Там стояла кровать, на которой лежал какой-то человек. Лица его рассмотреть в темноте не было возможности. Дибич, обратясь к духовнику, сказал: «Батюшка, это Государь Император, исповедуйте и приобщите его». В комнате, кроме больного, духовника и Дибича, никого не было. Священника поразила столь необычайная обстановка предсмертной исповеди императора, но он все-таки исполнил приказание, дал больному глухую исповедь¹⁰¹ и приобщил его Святых Таин»¹⁰².

Как говорилось выше, С.Ф. Хромов был глубоко верующим человеком, исключительная честность которого отмечалась многими. Соответственно и круг его знакомств, в который входил Е.С. Арзамасцев, составляли люди искренне верующие и воцерковленные. Между С.Ф. Хромовым и Е.С. Арзамасцевым велась переписка. В своих записях о чудесах, связанных со старцем Феодором Кузьмичем, С.Ф. Хромов приводит часть написанного в Петербурге письма Е.С. Арзамасцева от 13 апреля 1875 г. — ответ на послание Семена Феофановича, в котором последний излагал свой удивительный сон во время межева-

⁹⁷ Там же. Л. 29 об. А.Д. Соломка скончался в 1872 г. Его дочь София во время написания этого прошения была Председательницей Дамского Комитета российского Общества Красного Креста в г. Козлове Тамбовской губ.

⁹⁸ Там же. Л. 9—12.

⁹⁹ Таинственный старец... 1908. С. 10.

¹⁰⁰ Протоиерей Таганрогского собора Алексей Яковлевич Федотов. Именно этого священника императрица Елизавета Алексеевна включила в свою свиту при выезде из Таганрога 21 апреля 1826 г. См.: Мартынов П. Белевский вдовий дом // Исторический вестн. 1887. Ноябрь. С. 441—442.

¹⁰¹ «Глухая исповедь, при которой больной, лишенный языка, словами отвечать не может» // Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1956. С. 358.

¹⁰² Таинственный старец... 1908. С. 9—10.

ния земли под будущий монастырь. Предложив свое толкование сна, Евграф Степанович заканчивает письмо словами: «Остаюсь восхищенным от радости за будущее событие. Душевно преданный Арзамасцев»¹⁰³.

И.Г. Чистяков предал гласности сообщение Евграфа Степановича о рассказе генерала А.Д. Соломки лишь после смерти Арзамасцева. Возможно, Евграф Степанович просил Хромова и Чистякова не разглашать эту тайну при жизни Арзамасцева. Это сообщение, перепечатанное во многих изданиях, вызвало резко отрицательную реакцию внука вагенмейстера — Н.С. Соломки (сын Сергея Афанасьевича, одного из трех сыновей генерала). Соломка-внук полагал, что если он не знал Е.С. Арзамасцева, то и дед его не знал; если он, внук, не был посвящен в тайну, то тайны никакой и не было. Н.С. Соломку так обеспокоил этот «чистейший вздор» (так он назвал сообщение Е.С. Арзамасцева), что в ответ опубликовал отдельной книжкой хранившиеся в семье документы, относившиеся к таганрогским событиям, предпослав им свое предисловие¹⁰⁴. Возможно, Н.С. Соломка опасался, что сообщение Е.С. Арзамасцева о признании деда отразится на отношении к их семье правящего императора и его окружения. Ведь оно шло вразрез с позицией, изложенной в работе великого князя Николая Михайловича, на работу которого внук ссылается.

В книгу документов вошли письма самого полковника — вагенмейстера А.Д. Соломки, в которых он сдержанно сообщал о ходе событий. Чувствуя недостаточность информации в этих пись-

мах, внук добавил к ним и письма из Таганрога бабушки — Марии Николаевны (в девичестве Колюбякиной), жены А.Д. Соломки, к ее матери.

Здесь мы сталкиваемся с очень важным общим вопросом, который относится ко всем таганрогским материалам. Могли ли лица, посвященные в тайну ухода императора, писать и говорить и официально, и своим близким что-либо иное, кроме утверждения о смерти государя? Разумеется, нет. Уже в 1819 г. Александр I в конфиденциальном разговоре с братом Николаем о том, чтобы он готовился принять престол, имел в виду свой *тайный*, а не легальный уход от власти. По воспоминаниям супруги Николая Павловича, будущей императрицы Александры Федоровны, присутствовавшей при этом разговоре, император говорил о том, как во время их коронации он будет «радоваться, когда вы будете проезжать передо мной, *а я из толпы* (курсив мой — М.Г.), махая шапкой, буду кричать вам *ура*»¹⁰⁵. Историк Л.Д. Любимов по этому поводу пишет: «Потерянный в толпе, никем не узнанный, ибо принявший новый облик... Значит, не о торжественном отречении помышлял Александр Павлович. Да иначе ведь и не могло быть»¹⁰⁶. Но раз уход тайный, то немногие посвященные лица должны всегда нести бремя этой тайны¹⁰⁷.

Наивно было бы ожидать, как это делал внук А.Д. Соломки, что преданный и пользующийся исключительным доверием императора, рисковавший ради него жизнью полковник будет в письмах, например, к теще (таковые приводятся в публикации внука), раскрывать тайну его ухода! Тем более, что это была не личная, а государственная тайна, связанная с престолонаследием и возник-

¹⁰³ Рукописный отдел Рос. гос. библиотеки. Ф. 23. С.А. Белокуров. К. 8. Д. 1 (1а). Л. 23—23 об. См. публикацию в предшествующем номере этого журнала (Традиции и современность. Москва; Екатеринбург, 2004. № 4).

¹⁰⁴ Документы, относящиеся к последним месяцам жизни и кончине в Бозе почивающего Государя Императора Александра Павловича, оставшиеся после смерти Генерал-Вагенмейстера Главного Штаба Афанасия Даниловича Соломко, состоявшего при особе Государя безотлучно 11 лет — 814 по 1825 г., и нескольких писем, относящихся к похоронам в Бозе почивающей Императрицы Елизаветы Алексеевны. СПб., 1910. (Далее: Документы...)

¹⁰⁵ Воспоминания императрицы Александры Федоровны с 1817 по 1820 г. // Русская старина. 1896. № 10 С. 53—54.

¹⁰⁶ Любимов Л. Тайна императора Александра I. Париж, 1938. С. 101.

¹⁰⁷ Мнение о том, что таганрогские документы о смерти Александра I не могут быть опровержением концепции о тайном его уходе, так как посвященные могли излагать только официальную версию, было высказано в 1914 г. автором, скрывавшимся под инициалами В.Г. Он резко критиковал работу великого князя Николая Михайловича, утверждая, что для отрицания тождества императора и старца Феодора Кузьмича нужны иные аргументы, а не свидетельства о смерти. (Исторический вестн. 1914. Сентябрь. С. 858—870.) Этот автор столь же неубедительными считал и указания Николая Михайловича и некоторых других исследователей на доверчивость русских к самозванству. В поведении св. Феодора Кузьмича никакого самозванства не было. Напротив, он скрывал свое прошлое и отрицал предположения других, а мнение о тождестве его с Александром I тем не менее укреплялось иширилось. Великий князь ответил критику в этом же номере «Исторического вестника» в статье под названием «По тому же вопросу (Ответ г. В.Г.)». Николай Михайлович заявил, что не причисляет себя ни к сторонникам тождества, ни к тем, кто отрицает его возможность. То непонимание великим князем поворота в правлении Александра I и его духовной жизни в последние годы царствования, о котором мы говорили выше, в этом ответе анониму было определено самим историком. «Я всячески старался выяснить себе, — пишет Николай Михайлович, — действительный характер государя, который не соответствует такого рода превращению» (с. 87). Но это было еще менее убедительно, чем таганрогские свидетельства о смерти или упоминания доверчивости русских к самозванцам.

шая на фоне опасного волнения умов — накануне восстания декабристов. Неслучайно сообщения И.И. Дибича¹⁰⁸ и А.Д. Соломки о смерти императора очень скучны, лишены подробностей. Лаконично и очень официально и опубликованное в труде Шильдера об Александре I письмо А.Д. Соломки к историку А.М. Михайловскому-Данилевскому, каковое внуc считает особенно убедительным. Он не замечает при этом, что самого Н.К. Шильдера это письмо ни в чем не убедило: он ведь допускал уже в этом труде возможность тождества императора и старца Феодора Кузьмича, а позднее был уверен в этом¹⁰⁹.

Находились в числе посвященных лица, которые не могли по занимаемому ими положению обойтись в таганрогских сообщениях без подробностей: врач Виллие и генерал-адъютант Петр Михайлович Волконский. На этом мы еще остановимся в соответствующем месте жития святого. Там же пойдет речь и о подробном дневнике императрицы Елизаветы Алексеевны, прерванном 11 ноября 1825 г. — за восемь дней до мнимой смерти мужа. Здесь же отметим, что печаль посвященных в тайну была искренней: ведь они действительно расстались с близким им и благоволившим к ним императором навсегда. Что же касается глубокого благоговения в семье ко всему, что касалось Александра I, и отношения к оставшимся от него памятным предметам как к святыне (об этом пишет внук Соломки), то оно тоже было несомненно искренним.

В информации о событиях в Таганроге, представленной в семейных документах, опубликованных в 1910 г. Соломкой-внуком, есть вопиющее противоречие, которое подтверждает искусственность рассказов о мнимой смерти императора. Жена вагенмейстера в письме к своей матери А.Л. Колюбакиной от 19 ноября 1825 г., сообщая о кончине императора, пишет: «императрица сама закрыла ему глаза»¹¹⁰. В этой же книге опубликовано прошение генерал-вагенмейстера А.Д. Соломки от 3 июля 1859 г. на имя императора Александра II, в котором он сообщает, что закрыл глаза Александру I¹¹¹. Непонятно, как мог внук-публикатор документов не заметить противоречивости этих утверждений. Но для оценки достоверности сообщения Е.С. Арзамасцева важнее даже не эта противоречивость известий о смерти в рамках одного семейного набора документов, а то доверие императора к своей «золотой соломке», которое подчеркивает генерал-вагенмейстер в том же прошении. Афанасий Данилович отмечает, что при последней поездке в Таганрог «Он (император — М.Г.) осчастливили меня особенной доверенностью; Он мне указал на существовавшее в то время волнение умов молодежи и сказал: этого не знает ни мать, ни жена моя, я тебе доверяю...» Многоточие оригинала. Это сам генерал Соломка сопроводил свое сообщение о доверии к нему государя в Таганроге многоточием.

¹⁰⁸ См. письма И.И. Дибича: *Соколовский М. Последние дни императора Александра I* // Исторический вестн. 1907. № 7. С. 165—171.

¹⁰⁹ Михайлов К.Н. Император Александр I — старец Феодор Кузьмич: Историческое исследование. СПб., 1913. С. 8.

¹¹⁰ Документы... С. 48. Это была официальная версия, сообщенная супруге А.Д. Соломки. Князь П.М. Волконский в тот же день писал жене: «Императрица не отходила от него ни на минуту; она сама закрыла ему глаза и рот» (Письма князя Петра Михайловича Волконского к жене // Русская старина. 1893. № 10). В сугубо официальном «Журнале генерал-адъютанта князя Волконского во время болезни в Бозе почивающего Государя Императора Александра Павловича» от 19 ноября также записано: «Императрица закрыла ему глаза...» (Русский вестн. 1897. Апрель. С. 7.)

¹¹¹ Документы... С. 101.